

НА ПУТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

БОГОСЛОВИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

© иерей О. Агапов

иерей Олег Агапов
кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой теологии СаГА,
проректор Самарской Духовной Семинарии

Данная статья является попыткой в первом приближении осмыслить с богословских позиций современное состояние культуры. Постмодернизм оценивается здесь как потенциально продуктивная для христианства ситуация, позволяющая, при максимальном освоении всего лучшего в культурном наследии, понять современный культурный кризис и показать выход из него.

Ключевые слова: культура, постмодернизм, текст, богословие, деконструкция.

Ибо все из Него, Им и к Нему (Рим., 11,36)

Быть или не быть – вот в чем вопрос.

В. Шекспир

Бог входит в существа как солнце сквозь окно.

К. Д. Бальмонт

Христос родился, по выражению апостола Павла, «когда пришла полнота времени...» (Гал., 4,4). Что это означает, хорошо описывает прот. Александр Шмеман, говоря о том, что начало Церкви «...совпало по времени с решительным моментом мировой истории: с завершением универсальной по духу и по замыслу Римской Империи. Греко-римский мир, то есть римская государственность, соединенная с эллинистической культурой – вот вторая после иудейства историческая «родина» христианства»¹. Прот. Александр продолжает традицию понимания роли «эллинской» культуры в становлении культуры христианской, начатую еще св. Климентом Александрийским, писавшим в своих знамени-

¹ Шмеман Александр, прот. Исторический путь православия. М.: Православный паломник-М, 1993. С. 41.

иерей О. Агапов

тых «Строматах» о том, что философия явилась «детоводительницей ко Христу» эллинов так же, как и Ветхий завет – иудеев. Единое культурное поле «ойкумень», засеянное Словом Божиим, дало обильные всходы и плоды – христианскую культуру Византии и Европы, впоследствии – и России как преемницы Византии.

Мир не стал христианским, но нет никаких оснований считать, что с концом европейской цивилизации (о котором так много говорилось и писалось в XX веке, начиная со Шпенглера и заканчивая Фукуямой) кончается и история человечества вообще. Тем более, что европейская цивилизация не одинока, есть и были другие. И мы, русские, – другие, мы во многом не похожи на европейцев, хотя и культуры и судьбы наши переплетены. Можно согласиться с Л. Н. Гумилевым, писавшим о том, что русские «молже» большинства европейских народов. К тому же Православие во многом отличается от римо-католичества и протестантизма. Поэтому и путь наш – иной, определяемый широтой наших просторов, величием нашей культуры и осознанием упущенных исторических возможностей.

В современной культуре, практически во всех ее сферах, преобладает течение, которое принято называть «постмодернизмом». Искусство, литература, философия, наука, даже политика – все, хотя бы отчасти, несет на себе печать «постмодернистского» подхода к миру, который характеризуется, прежде всего, констатацией неудачи попыток культуры Нового времени – начиная с эпохи Возрождения, поставившей человека в центр мира вместо Бога, – адекватно понять и описать реальность. Она ускользает от попыток сделать «гербарий» истин, пришивив их булавками рациональных формулировок и формул к листам альбома под названием «прогресс». Поэтому главный принцип, декларируемый постмодернизмом, – абсолютный, радикальный плюрализм. «Постмодерн означает не новизну, а *плюрализм*, – пишет современный исследователь В. М. Дианова. – И этот плюрализм имеет свои античные, средневековые, нововременные и другие праформы. Новым является лишь то, что он теперь стал доминирующим – и это отличает постмодерн от модерна XX в., где плюрализм был обязательным только в некоторых областях, в то время как теперь он является всеобщим; а также то, что постмодернистский плюрализм радикальнее, чем любой предшествующий. Он радикален настолько, что должен, по мнению его приверженцев, стать основным законом»². Причем плюрализм постмодернизма означает не столько равноправность найденных и выработанных человечеством «объективных» истин, сколько возможность и даже желательность радикально-субъективного к ним отношения. Один из ведущих западных философов – теоретиков постмодернизма Лиотар основной характеристикой постмодернизма «...считает утрату метанарративами (великими повествованиями) современности своей легитимирующей силы. Под “великими метаповествованиями” и “метарассказами” он понимает главные идеи человечества: идею прогресса, эмансипацию личности, представление Просвещения о знании как средстве установления всеобщего. Лиотар называет такие метанарративы, как диалектика духа, герменевтика смысла, поступательное расширение и увеличение свободы, развитие разума, освобождение труда, прогресс капиталистической технонауки, спасение твари через обращение душ к Христову повествованию о мученической любви и др. ... Перечисленные нарративы, как в свое время мифы, имели цель обеспечить легитимацией определенные общественные институты, социально-политические практики, законодательства, нормы мо-

² Дианова, В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб., 2000. С. 239.

рали, способы мышления и т.д., но в отличие от мифов они искали эту легитимность не в прошлом, а в будущем»³.

Лиотар констатирует радикальное недоверие лишь к метанаррациям (большим повествованиям), микронарративы (маленькие повествования), согласно его рассуждениям, продолжают играть большую роль в культуре. «Маленький рассказ, – пишет Лиотар, – остается образцовой формой для творческого и, прежде всего, – научного воображения»⁴.

Философский постмодернизм становится основой, опираясь на которую возможно осмысление ситуации, сложившейся в современной западной, а во многом и российской, культуре. Ситуации, когда диалог становится всеохватывающим, «многомерным». Как пишет современный исследователь А. Колесников, «акт философствования в конечном итоге возможен только в духовном пространстве полифонического взаимообогащения и взаимопроникновения»⁵.

Философская теория постмодернизма помимо радикального плюрализма и недоверия к «большим повествованиям» складывается из нескольких исходных постулатов.

Культура – это система знаков. «Все теоретики постмодернизма, несмотря на расхождение в частностях, считают, что язык “владеет” своим носителем, определяя его способы мышления и жизнедеятельности, а не наоборот. Язык описывается в постмодернизме как знаковая структура, которая является вместилищем значений, независимых от их связи с “фактами” мира или намерениями субъекта. Таким образом утверждается, что значения рождаются в контексте отношений между знаками, составляющими структуру языка, вследствие их определенного положения в этой структуре, а не вследствие их соответствия “фактам” действительности... Поэтому понимание мира, возможно только в языке и посредством языка, согласно постмодернизму, является не продуктом “мира, как он есть”, а следствием “истории текстов”»⁶.

«Ничто не существует вне текста» – утверждает Ж. Деррида. Культура любого исторического периода в постмодернизме предстает как текст или, точнее, как сумма текстов, интертекст. Любой текст понимается только исходя из знания предшествующих ему текстов. «Деконструкция как общий метод постмодернистского анализа, применимый к анализу любого феномена культуры, любого текста, неизбежно превращается в многосмысленный и бесконечный интерпретативный процесс, который релятивизирует любой текст, любое понятие...»⁷.

«Смерть субъекта», – также немаловажная составляющая философии постмодернизма. «Постмодернизм разрушает идеологическую позицию модерна, базирующуюся на представлении о субъекте как центре мироздания, теоретическую традицию рассмотрения индивида как суверенного, независимого, самодостаточного и равного своему сознанию (лица)... Постмодернизм обосновывает невозможность независимого индивидуального существования, доказывает, что индивид постоянно и, главным образом, бессознательно обуславливается в процессе своего мышления языковыми структурами»⁸. Фактически, постмодернизм утверждает полную, тотальную зависимость человека от господствующих идей (текстов) своего времени. Вырваться из-под этого

³ Дианова, В. М. Там же. С. 240.

⁴ Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетея, 1998. С. 144.

⁵ Колесников, А. С. Философская культура и основы ее преемственности // Вестник Санкт-Петербургского университета, 1995. С. 12.

⁶ Судас, Л. Г. Модернизм и постмодернизм // <http://www.chem.msu.su/rus>

⁷ Там же.

⁸ Там же.

засилья могут лишь немногие. Это «идеальные интеллектуалы» М. Фуко или «шизофреники в высшем смысле» Ж. Делеза. Стереотипы массового сознания базируются на упрощающих и искажающих реальность обобщениях. Прорваться к реальности – значит видеть «фрагментарные истины», не претендующие на всеохватность. Такое понимание близко к декларируемому дзен-буддизмом положениям о познании, суть которых выражается образом «мячика в пене горного потока»⁹. Данный образ подразумевает живое внимание человека к своему непосредственному опыту, к миру, как он ощущается в данное мгновение, недоверие ко всякого рода ярлыкам. Не случайно столь пристальное внимание теоретиков и практиков (писателей, художников, режиссеров и т.д.) постмодернизма к восточным религиям, особенно – дзен-буддизму.

Эпоха постмодернизма – преддверие чего-то принципиально нового. Чем будет это новое? Можно ли попытаться сказать что-либо о нем? Выделить, понять его суть? Основные черты постмодернизма, такие как «умирание» автора, констатация «исчерпанности» форм, ирония, «коллаж» и т.д., казалось бы, свидетельствуют о тупике, но развитие не только возможно, постмодернизм несет его в себе, причем, развитие, основанное на христианском подходе к миру, подходе, основанном на вере. Разочарование в возможности искусством, литературой, наукой или философией «ухватить» реальность, приведшее к постмодернизму, является продуктивным для постепенного осознания культурой нового «вида искусства»: «человек, творящий свою жизнь».

Перед богословием современная культурная ситуация ставит глобальную задачу: осмысление с христианских позиций всего мирового культурного наследия. Эта работа должна быть проделана для осмысления современным человеком ведущей роли Бога во всяком подлинном человеческом творчестве, осмыслении ошибок, приведших к нынешнему обезбоженному состоянию массовой культуры и общества, осмыслению единственно возможного пути выхода из кризиса – возвращению к вере, причем, не в силу «традиционности» этой веры, а в силу Правды. И русское богословие должно поставить во главу угла задачу «...самым тщательным образом беречь, изучать, очищать от искажений и активно использовать все подлинное и жизнеспособное, что осталось в нашем народе от его древних благочестивых преданий. А также любовно и внимательно разыскивать и собирать золото божественных откровений, которое в изобилии хранит тысячелетняя русская культурная почва»¹⁰.

Постмодернизм с его снятием всех и всяческих табу высветил человека изнутри, не оставив иллюзий, до какого скотства этот человек может доходить. В то же время расчищено «поле идей», те «завалы», в которых, зачастую, тонула живая мысль, зажатая стереотипами. Не только и не столько «идеальный интеллектуал» Фуко способен оказать сопротивление стереотипам массового сознания. Христианин, имеющий личный опыт веры, строящий свою жизнь в согласии с Волей Божией, – вот подлинно свободный человек. Личный опыт встречи с Богом плюс знание и осмысление наиболее значимых явлений мировой культуры – вот основа для выхода из тупика, обозначенного постмодернизмом. Мир становится единым. Единое культурное, ждущее посева поле. Ситуация, напоминающая начало христианства, описанное прот. Александром Шмеманом. Ситуация «конца» может обернуться ситуацией «начала», если мы окажемся на высоте своего призвания, окажемся христианами по сути, а не только по имени.

⁹ Уоттс, А. Путь дзен. М., 1995. С. 64.

¹⁰ Епифанов, Петр. Поединок при свете луны (еще раз о духовном мире поэзии Сергея Есенина) <http://www.bogorodsk-noginsk.ru>